

A. Belov

RUSSIAN PROVINCIAL CITY IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY. THE FORMS AND FUNCTIONS OF URBAN DEVELOPMENT

Abstract: The main problem of studying the city of the XIX century is the identification of the type of urban settlement and selection its qualitative

signs. The analysis of texts "Military – statistic review of Russian Empire", which was made in the middle of the XIX century, can help us with solution of this object. The source includes the material consisted of contemporaries' ideas about a city.

Key words: city, functions, identification, hierarchy, estimation.

УДК 94(47).081

Сухова Н.Ю.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ АКАДЕМИИ В 1850–60-х гг. И РЕФОРМА 1869 г.*

Аннотация. Статья посвящена реформе российской высшей духовной школы 1869 г. Автор проводит анализ исторического контекста эпохи, проблем, встававших в 1850–60-х гг. перед духовными академиями, процесса подготовки и проведения реформы и ее главных положений. Основными результатами реформы стали специализация исследований в духовных академиях и включение членов преподавательских корпораций в активный научный процесс.

Ключевые слова: православные духовные академии, реформа, научные исследования

Одной из характерных черт российской системы высшего образования в последние годы стало включение в ее состав богословского (теологического) направления. Этот процесс, сопряженный с целым спектром вопросов, дискуссий, разнообразием решений и вызывающий неоднозначную реакцию, неизбежно ставит вопрос о традиции российского богословского образования. Эта традиция имела в России к началу трагических событий в российской истории (1917 г.) немалый опыт, который, как представляется, может быть полезен для современной системы образования. Ценность этого опыта состоит не только в успехах, заметных внешнему взгляду, но и в идеях, не всегда в полной мере реализованных, а также в формулировке проблем и болевых точек, в анализе ошибок. В данной статье внимание обращено на развитие богословия в высшем духовном образовании, то есть, в четырех духовных академиях Русской Православной Церкви: Санкт-Петербургской (с 1914 г. Петроградской), Московской, Киевской, Казанской. В них богословская составляющая не только была выражена наиболее значимо, но и являлась определяющей, специальной, поэтому опыт академий актуален для всех форм современ-

ного богословского образования.

Статья посвящена рассмотрению проблем, возникавших в российском высшем духовном образовании в 1850–60-х гг., и попытке их решения путем реформы 1869 г. Эта реформа составляет важную страницу в истории духовного образования и в истории России в целом. Однако отношение к этой реформе современников было различно – от положительного до резко-критического. Неоднозначную оценку она имеет и в историографии [1; 2, 374–421; 3, 360–364; 4, 460–465; 5, 467–518; 6, 26–27].

Духовная школа в России имеет давнюю традицию: подготовка кадров для священнического служения велась с первых веков принятия христианства. Но высшая духовная школа, как самостоятельная ступень, со своими принципами и требованиями, возникла в результате реформы начала XIX в. (1808–1814). Эта реформа создала в России единую духовно-учебную систему, с четырьмя взаимоподчиненными ступенями (приходские училища, уездные училища, семинарии, академии) [7; 8; 9; 10; 11]. Система действовала достаточно эффективно, поставляя кадры на церковное служение в разных областях – приходской, миссионерской, духовно-педагогической, законоучительской, – и, кроме того, «подпитывала» сферы гражданского служения. В стенах ее высшей ступени – духовных академий – шел стабильный учебный процесс: обновлялись учебные курсы, разрабатывались программы, писались студенческие работы, появлялись новые предметы [12; 13; 14; 15]. Однако в недрах этой, казалось бы, достаточно благополучной деятельности, можно было уловить некоторые тревожные симптомы, грозящие вызвать кризис. Учебный план был отягощен многопредметностью, в нем отсутствовала систематичность. Новые богословские дисциплины, выделившиеся в 1820–1840-е гг. из общего

* © Сухова Н.Ю.

богословского курса, не были определены в своем содержании и методах. Введенные в учебные планы небогословские науки, а также миссионерские предметы, не имели твердого положения в высшей духовной школе, не был до конца определен их статус и значение в духовно-академическом образовании [16]. Отсутствовала особая система подготовки кадров, как для академических кафедр, так и для преподавания в семинариях, а традиция перевода преподавателей с предмета на предмет затрудняла и последующую их специализацию. Кроме того, академии были отягощены многими задачами, возложенными на них Уставом 1814 г., и на преподавательские плечи, кроме собственно учебно-научного процесса падало немало иных дел – ревизии семинарий и училищ, составление программ для духовных школ своего округа, подготовка многочисленных отчетов. Многие положения Устава 1814 г. оказались слишком «теоретичны» и не могли быть исполнены на практике, оставаясь лишь памятником духовно-учебного поиска. Последующие нововведения часто не вписывались в параграфы Устава и, контролируемые многочисленными положениями и постановлениями, входили в противоречие друг с другом, создавая много проблем для академии [17, 60–112].

К середине 1850-м гг. многие профессора академий и архиереи, ревнующие о развитии богословской науки, пытались определить главные проблемы, требующие решения. Преподавателям академий – а это были лица, на которых возлагались основные надежды в развитии научного богословия – трудно было стать специалистами в той или иной области богословия, ибо назначение выпускника на кафедру часто проводилось без учета темы его выпускного сочинения и интересов [18, 349–358 об.; 19, 20–21 об.]. В дальнейшем проводились частые перемещения с предмета на предмет, а с начала 1840-х гг., при увеличении числа предметов в академиях, на каждого преподавателя возлагалось два-три предмета [15, вып. 2, 170; 20, 17–17 об.; 21]. Научная деятельность членов академических корпораций не была организована: в тех или иных общих научных трудах участвовали не все, статьи в научные журналы представляла меньшая часть преподавателей. Недостаточность в специальных богословских исследованиях заявлялась, но конкретные научные задачи перед членами корпораций ставились довольно редко. Академии мало контактировали со светскими учеными, редко были членами научных обществ, а в самих академиях таковых не было. Не было традиции регулярных обсуждений научных проблем – это проводилось лишь тогда, когда академии выполняли какие-либо конкретные «ученые поручения». Хотя в академиях были достаточно хо-

рошие библиотеки, постоянной информации об отечественных и зарубежных научных изданиях в них не поступало, а преподаватели, редко занимаясь специальными исследованиями, также не являлись знатоками современного богословия. Русская богословская терминология, хотя стала уже нормой и в научных, и в учебных трудах, была плохо отработана. К преподавателям, выпускникам и студентам духовных академий часто предъявлялись претензии в необоснованном и плохо продуманном употреблении иностранных выражений [3, 199–201, 209–220; 22, 94–98; 23, 284–285]. В отечественное богословие, вследствие его непростого исторического пути, проникло много идей, неприемлемых для православной науки, но для очищения от них и более четкого научно-православного ответа на те или иные вопросы требовалась большая работа. Преподавательские корпорации академий, хотя и старались по мере сил исправлять недостатки, сами были образованы и воспитаны этой системой, и их знания, умения и опыт были обусловлены ее плюсами и минусами.

Во второй половине 1850-х гг. проблемы духовных академий стали особенно заметны на фоне общего интереса в России к научно-образовательным вопросам. Развитие науки – как европейской, так и российской – ставило вопрос о соответствии высшей духовной школы современному уровню. Открытия естественных наук – геологии, сравнительной зоологии, анатомии, психологии, физики – требовали основательного и также научного ответа богословия [24; 25; 26, 10–22]. Исследования в области гуманитарных наук – истории, словесности, филологии, юриспруденции – затрагивали церковную сферу (церковная история, церковное законоведение, церковная словесность и др.). Вставал вопрос об участии в этих исследованиях специалистов из духовных академий. Был поставлен вопрос о необходимости описания и изучения церковных архивов, памятников церковной старины [27, 340–341]. В определенной части общества появился интерес к богословию как таковому. «Духовная ученость», бывшая доселе по преимуществу обязанностью и достоянием духовного сословия, должна была предъявить миру свои научные результаты и занять свое место в научно-образовательной системе и в российском обществе [3; 234–331].

Катализатором духовно-учебной реформы послужила обстановка в стране – преобразовательные процессы первых лет царствования Александра II. Особым стимулом была разработка нового университетского устава, начавшаяся в 1858 г. и продолжавшаяся до 1863 г. [28; 29; 30, 317–332; 25; 26; 31]. Активные обсуждения проблем высшего образования, многие из которых были актуальны и для духовных академий, не могли оставить в

стороне профессорско-преподавательские корпорации последних.

Отдельные попытки решить назревшие проблемы духовной школы локальными мерами не имели успеха, поэтому был поставлен вопрос о реформе [5, 278–287]. Среди архиереев и в академической преподавательской среде не было единых мнений о том, насколько значительны должны быть изменения: следует ли реформировать существующую духовно-учебную систему или достаточно внутренних изменений. Все сходилось на необходимости осуществить замыслы Устава 1814 г. о развитии духовных академий как академий духовных наук, то есть, создать специальные условия для научно-педагогической специализации членов академических корпораций и формировать из них научно-исследовательские сообщества [32; 33, 109–120 об.]. Но были в проектах и принципиальные разногласия по двум вопросам. Первым из них был вопрос о сословности духовной школы: должна ли она быть сохранена? Для духовных академий этот вопрос был особенно важен, ибо был связан с более активным привлечением к преподаванию в академиях выпускников и преподавателей университетов. Вторым вопросом, вызвавшим разногласия, был вопрос о составе дисциплин, преподаваемых в академиях: следует ли сохранять в учебных планах духовных академий сочетание богословского и гуманитарного образования, созданное Уставом 1814 г., или более плодотворным является путь богословской специализации? Подготовка духовно-учебной реформы началась в 1858 г. с опроса епископата и продолжалась более десяти лет. За это время две комиссии трудились над разработкой реформы духовных семинарий и училищ (1860–1862 гг.; 1866–1867 гг.), затем была учреждена комиссия по разработке реформы духовных академий (1867–1869 гг.) [17, 112–229].

Составленный последней комиссией проект потом обсуждался еще трижды – шестью архиереями (в виде личных отзывов), самой комиссией, в расширенном составе, и Святейшим Синодом. Наконец, после переделок, Устав духовных академий был утвержден 30 мая 1869 г. императором [34].

В этом процессе постепенно определялись наиболее значимые идеи, составившие основу реформы 1869 г. и последующей эпохи деятельности духовных академий. В 1865 г. обер-прокурором Святейшего Синода стал граф Д.А. Толстой, соединивший в 1866 г. с этой должностью и должность министра Народного просвещения. Роль обер-прокурора в духовно-учебных делах к этому времени очень возросла [4, 156–166; 5, 44–56]. Он соединил идеи и желания, исходившие из духовно-учебных кругов, с властной и финансовой помощью государства, выбрал склонных к реформе

членов Святейшего Синода, представителей епархиального епископата и духовенства и, опираясь на них, стимулировал начало и поэтапное проведение реформы. Энергия графа Д. А. Толстого и его умение выбирать «ключевые» фигуры, с одной стороны, его собственные учебные идеи с другой, во многом определили подготовку и ход реформы духовных академий [17, 160–165]. Главными деятелями реформы стали приветствуемые и поощряемые обер-прокурором архиереи – архиепископы Нектарий (Надеждин) и Макарий (Булгаков) и представители белого духовенства, получившие в это время особые полномочия, – протоиереи Иосиф Васильев, первый председатель Учебного комитета при Святейшем Синоде [35, 114–116; 36, 171–174], и Иоанн Янышев, ректор СПбДА. Если архиепископ Нектарий (Надеждин), несмотря на свое председательство в комиссии по разработке проекта духовно-академической реформы не высказал никаких самостоятельных идей и не проявлял в дальнейшем интереса к реализации нового Устава, то трое последних сумели вложить в новый Устав свои представления об организации высшего духовного образования и богословской науки и во многом определить проведение реформы [37, 57; 38, 740; 39, 129].

Обсуждения конкретных вопросов, проходившие на разных этапах разработки реформы, вскрыли общие проблемы, которые так и не удалось решить удовлетворительно: 1) недостаточная определенность главной цели деятельности академий и отсутствие структурообразующей идеи учебного плана; 2) недостаточная определенность внутренней структуры богословия, не позволяющая выделить возможные направления богословской специализации; 3) недостаточная определенность места и значения богословия в системе наук, приводящая к неопределенности статуса небогословских наук в высшей духовной школе и богословских наук в университетах.

Процесс составления Устава духовных академий 1869 г. привел к соединению в его окончательном варианте идей из разных проектов и мнений, авторских или коллективных, причем неоднократно корректируемых. Однако, несмотря на некоторую несогласованность, нечеткость, очевидные недоработки, единство Уставу придавала сила и новизна основных идей, которые представляли вполне определенную концепцию высшего богословского образования:

1) система специализации преподавателей академий по кафедрам, соответствие между должностным положением и ученой степенью, стимулирующее научный рост преподавателя в преподаваемой им области (§ 46–48) [35];

2) полноценная система научной аттестации, с обязательной публикацией и защитой ма-

гистерских и докторских диссертаций, повышение статуса магистерской богословской степени (§ 139–141, 145, 147) [35];

3) участие членов профессорско-преподавательской корпорации в решении вопросов учебного процесса и научного развития академий (§ 85–103) [35];

4) организация специальной подготовки профессорско-преподавательских кадров в виде приват-доцентуры, связанная с ней возможность дополнительной разработки специальных разделов базовых дисциплин (§ 55–58) [35];

5) двухэтапная специализация студентов: на трех первых курсах – по отделениям (богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому), на выпускном курсе – по конкретным группам предметов (§ 133–138) [35];

6) предоставление академиям особых прав и возможностей для распространения и популяризации научного знания: собственной цензуры, права на учреждение научных обществ (§ 169–171, 177–180) [35].

Новая реформа радикально меняла все стороны жизни духовных академий – учебную, научную, организационно-административную, экономическую, бытовую, и ее проведение сопровождалось решением множества проблем. Уже в первые пореформенные годы стали проявляться и положительные, и отрицательные следствия реформы. Положительными были активизация специально-педагогической и научной деятельности преподавателей, вовлечение в научную работу студентов, налаживание связей с европейскими научными и образовательными центрами [40, 149–155; 41, 185–197]. Но были и отрицательные результаты: очень быстро проявились недостаточная продуманность реформы 1869 г., противоречивость некоторых положений Устава, неготовность профессорско-преподавательских корпораций к радикальным изменениям, отсутствие централизованного руководства в проведении реформы и оперативной корректировки.

Высшая церковная власть официально проверила результаты реформы ревизией, проведенной в 1874–1875 гг., по окончании четырехлетнего цикла действия нового Устава, архиепископом Литовским Макарием (Булгаковым). Избрание в качестве ревизора одного из активных участников подготовки реформы 1869 г. и автора некоторых ее положений многим казалось нарушением объективности оценки [42, 12; 43, 195–196; 44, 3]. Но преосвященный Макарий подошел к ревизии ответственно: он посещал лекции, проверял конспекты лекций и студенческие сочинения, предлагал преподавателям высказывать свои предложения [43, 196–212]. В целом ревизор засвидетельствовал положительные результаты ре-

формы – и в ежегодном отчете обер-прокурора на это было обращено особое внимание [45, 157]. Однако в отчете архиепископа Макария содержался ряд критических замечаний и предложений по совершенствованию учебного процесса в академиях. Критика относилась преимущественно к занятиям выпускного (4-го) курса: «нежизненность» педагогической подготовки выпускников, проводимой без учета реальных семинарских программ; неудачная постановка тем для кандидатских и магистерских диссертаций; отсутствие систематического руководства научной работой студентов [46, 3 об., 14, 20 об., 21, 33–33 об.].

Устав духовных академий 1869 г. действовал всего 15 лет. К началу 1880-х гг. стали особенно заметны связанные с ним проблемы. Наиболее болезненной была ранняя специализация студентов, которая позволяла углубляться в избранную область богословия, получать специальные знания и писать серьезные выпускные работы, но заметно ослабляла базовое образование. Неизбежные при этом односторонность, ограниченность и «мелочная скрупулезность», которые стали проявляться в кандидатских и магистерских работах выпускников, вызывали опасение профессорско-преподавательских корпораций [47, 519]. В 1884 г. был принят новый Устав, отменивший многие положения своего предшественника: специализацию студентов по отделениям, особую постановку выпускного курса, публичные защиты докторских диссертаций. Однако система специализации преподавателей и всестороннее поощрение их научных исследований были этим Уставом подтверждены и укреплены [48]. О плодотворности этой системы свидетельствовали исследования, появившиеся во всех областях богословия [17, 530–570]. Эти исследования были построены на историко-критическом исследовании источников, учитывали современные достижения мировой богословской и гуманитарной науки, содержали самостоятельные выводы. Уровень лучших из этих работ позволял говорить о становлении русского богословия как науки. Научные командировки преподавателей академий за границу стимулировали развитие русского богословия и вводили его в контекст современной науки [40, 156–171; 41, 197–216]. Встававшие при этом проблемы, необходимость адаптировать церковным сознанием историко-критические методы, активно и не всегда корректно вводимые в богословские исследования, требовали напряженной работы ученых [40, 154–164].

Нововведения реформы 1869 г. в учебной области имели меньший успех, хотя нельзя говорить об их бесплодности. Несмотря на указанные выше проблемы, возможность серьезных научных занятий, предоставляемая новым Уставом, ис-

пользовалась лучшими студентами и приносила определенные плоды. «Жесткая» специализация разрешила проблему многопредметности и обеспечила студентам возможность углубленных занятий в определенной области богословия, дала высшему богословскому образованию большую конструктивность и направленность. Предоставленная возможность серьезных научных занятий на выпускном курсе и повышение научных требований к выпускной работе дали ряд серьезных магистерских диссертаций и плеяду талантливых богословов, внесших вклад в развитие науки. Это был важный опыт, к которому высшая духовная школа в дальнейшем обращалась неоднократно [17, 480–493; 47].

Несмотря на проблемы, сопряженные с реформой 1869 г., и те трудности, с которыми столкнулась богословская наука на новом этапе своего развития, эта реформа имела главный – и несомненный успех. Этим успехом был новый уровень богословской науки, на который она поднималась, те новые горизонты, которые она могла увидеть с обретенной высоты, и вопросы, которые была способна сформулировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Титов Ф.И., прот. Преобразования духовных академий в России в XIX веке // Труды Киевской духовной академии. – 1906, № 5. – С. 25–98.
2. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX веке: В 2 т. Т. 2. – Вильно, 1909.
3. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991 [репринт издания: Париж, 1937].
4. Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917: В 2 ч. Ч. 1. – М., 1996.
5. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. – М., 1999.
6. Тарасова В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. – М., 2005.
7. Прилежаев Е.М. Царствование Александра I в истории русской духовной школы. – СПб., 1878.
8. Знаменский П.В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. – Казань, 1878.
9. Титлинов Б.В. Комитет духовных училищ 1807–1808 гг. и училищные уставы // Христианское чтение. – 1908, № 3. – С. 422–447.
10. Богословский М.М. Реформа высшей духовной школы при Александре I и основание Московской духовной академии. – Сергиев Посад, 1917.
11. Вишленкова Е.А. Духовная школа России первой четверти XIX века. – Казань, 1998.
12. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. – СПб., 1857.
13. Смирнов С.К. История Московской духовной академии до ее преобразования 1814–1870. – М., 1879.
14. Аскоченский В.И. История Киевской духовной академии. – Киев, 1863.
15. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870): В 3 вып. – Казань, 1891–1892.
16. Сухова Н.Ю. Духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и становление высшей духовной школы в России // Сухова Н.Ю. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007 – С. 15–52.
17. Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). – М., 2006.
18. Отчет о ревизии СПбДА // РГИА, ф. 797, оп. 37 (отд. 1, ст. 2 ст.), д. 1.
19. Потапов В.Н. Письма к отцу // ЦГИА СПб, ф. 2162, оп. 1, д. 18.
20. Записка епископа Чигиринского Иннокентия «Мысли касательно преподавания богословских наук в духовных академиях» // ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 925.
21. Горский А.В., прот. Обзор предметов, преподаваемых студентам Московской духовной академии // ОР РГБ, ф. 316, п. 68, д. 33.
22. Малышевский И.И. Историческая записка о состоянии Киевской Духовной Академии в истекшее пятидесятилетие // Труды Киевской духовной академии. – 1869, № 11–12. – С. 94–98
23. Дьяконов К.П. Духовные школы в царствование Николая I. – Сергиев Посад, 1907. – С. 284–285
24. Хартанович М.Ф. Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. – СПб., 1999.
25. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. – М., 1985.
26. Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983.
27. Покровский Н.В. Желательная постановка церковной археологии в духовных академиях // Христианское чтение. – 1906, № 3. – С. 333–349.
28. Журнал Ученого комитета Главного управления училищ по проекту общего Устава Императорских российских университетов. – СПб., 1862.
29. Замечания на проект общего Устава Императорских российских университетов: В 2 т. – СПб., 1863.
30. Кэссону С. Университетский Устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России 1856–1874 гг. М., 1992. – С. 317–332.
31. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. – М., 1993.
32. Заметки Сербиновича о необходимости изменения учебной части в духовных академиях [Свод мнений архиереев по вопросу о необходимых изменениях в духовных академиях] // РГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 705.
33. Свод мнений конференций духовных академий хранится в архивном фонде Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, в деле о преобразовании академий 1869 г. // РГИА, ф. 797, оп. 37 (отд. 1, ст. 2), д. 1, л. 109–120 об.
34. Устав православных духовных академий, высочайше утвержденный 30 мая 1869 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. XLIV. – № 47154.
35. Сухова Н.Ю. Реформа духовных академий 1869 г.: личный аспект // Церковь в истории России. Сб. 8. Институт Российской истории Российской Академии наук. – М., 2009. – С. 101–119.
36. Сухова Н.Ю. Управление духовно-учебными заведениями

- ниями в России в 1867–1918 г. // Материалы Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института 2002 г. – М., 2002. – С. 169–182.
37. Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (1847–1915) // Христианское чтение. – 1916, № 1. – С. 45–67.
38. Беляев А.А., прот. Профессор Московской духовной академии П.С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном [Фивейским]. // Богословский вестник. – 1912, № 4. – С. 738–754.
39. Беляев А.А., прот. Профессор Московской духовной академии П.С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном [Фивейским]. // Богословский вестник. – 1912, № 5. – С. 128–146.
40. Сухова Н.Ю. Научно-богословские исследования в России – проблемы и поиск (XIX – начало XX в.). // Сухова Н.Ю. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007. – С. 143–171.
41. Сухова Н.Ю. Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX – начало XX в.). // Сухова Н.Ю. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007. – С. 172–216.
42. Бердников И.С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования 1842–1892. – Казань, 1892.
43. Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (1847–1915) // Христианское чтение. – 1916, № 2. – С. 184–212.
44. Ревизия Санкт-Петербургской духовной академии. // Церковно-общественный вестник. – 1875, № 12. – С. 3–4.
45. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1875 год. – СПб., 1876.
46. По отчетам преосвященного Макария, архиепископа Литовского, о произведенной им в 1874–1875 гг. ревизии в Киевской, Казанской, Санкт-Петербургской и Московской духовных академиях // РГИА, ф. 802, оп. 9, 1874, д. 18.
47. Вафинский Н. [Глубоковский Н.Н.] К вопросу о нуждах духовно-академического образования // Странник. – 1897, № 8. – С. 519–540.
48. Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 20 апреля 1884 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. IV. – № 2160.

N. Sukhova

ORTHODOX ECCLESIASTICAL ACADEMIES IN 1850-60 AND REFORM OF 1869

Abstract: The article is devoted to reform of the Russian highest ecclesiastical school of 1869. The author has carried out the analysis of a historical context of epoch, problems rising in 1850-60 before ecclesiastical academies, process of preparation both realization of reform and its main rules. Specialization of researches in ecclesiastical academies and inclusion of the members of teaching corporations in active scientific process were by the basic results of reform.

Key words: orthodox ecclesiastical academies, reform, scientific researches.

УДК 947(470.55/.58)

Ковылин Д.А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕДИТНЫХ КООПЕРАТИВОВ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Аннотация. В статье раскрываются особенности развития кредитной кооперации в казачьих станицах Южного Урала, рассматриваются основные направления работы кооперативов, значение их деятельности. Автор приходит к выводу, что кооперативные объединения казачьих станиц не существовали изолированно, им были присущи многие особенности и характерные черты кооперации России.

Ключевые слова: кредитный, кооперативы, казачьи, кооперация, товарищество, кредитование, ссуда.

Кооперация в России во второй половине XIX – начале XX вв. развивалась прежде всего в форме кредитной в виде ссудо-сберегательных и кредитных товариществ для получения ссуд на хозяйственные нужды. Кредитная кооперация была представлена ссудосберегательными и кредитными товариществами, большинство которых (более 80% членов) функционировало в сельской местности. Основным отличием ссудосберегательных и кредитных товариществ было то, что в ссудосберегательное товарищество можно было вступить только с паем в размере от 10 до 100 руб., а в кредитное – без пая. Суммы паев составляли основной капитал ссудосберегательных касс, тогда

* © Ковылин Д.А.